

Матьяна
Веденская

Любимый
мотив
Мендельсона
♥

Татьяна Веденская

Любимый мотив Мендельсона

«Автор»

2006

Веденская Т.

Любимый мотив Мендельсона / Т. Веденская — «Автор», 2006

Ни для кого не секрет, что главная жизненная цель любой женщины – найти хорошего мужа, создать семью. Даже отъявленные феминистки втайне мечтают о мужчинах. Ведь они все время о них рассуждают! А уж об обычных девушках и говорить нечего. Они постоянно ведут охоту. И непрерывно совершенствуются в искусстве отлова мужской особи. Внешность, обаяние, ум, успешность – в ход идут все средства. Но если все равно неудача? И единственный, о ком ты мечтаешь, не желает становиться твоею «добычей»... Что тогда делать? Страдать? Никогда! Выкинь этого бесчувственного из головы и отправляйся на... сафари. Может, где-нибудь в Африке ты без единого выстрела сумеешь уложить его к своим ногам... Книга также издавалась под названием «Штамп Гименя».

© Веденская Т., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Татьяна Веденская

Любимый мотив Мендельсона

С пожеланием побед на фронтах семейного счастья

Часть первая

Клад, который уже нашли

Глава 1

Мышкины слезки

Все на свете когда-то бывает в первый раз. Первый шаг, первая двойка, первая любовь. Первый запущенный в небо змей. Правда, когда я впервые отворила сие картонно-ниточное чудовище, следуя инструкции из «Мурзилки», он у меня так и не взлетел. Но был красив и велик, ведь, шутка ли, я извела на него все мамины коробки из-под обуви и целую гору канцелярского клея. Помните, был такой, в прозрачном мнущемся тюбике? Еще цветную бумагу. И все нитки оранжевого цвета, потому что мне показалось, что в небе оранжевое будет смотреться как солнышко. В общем, получилось красиво, но громоздко. Взлететь оно не смогло.

– Вечно у тебя получается какая-то хрень. И что нам теперь с этим делать? – спросил меня братик, отдирая от рук (и лица) застывший клей.

Я задумалась. Признаться в том, что получилась ерунда, которая только и способна, что волочиться по земле, было ниже моего достоинства.

– Сделаем из него украшение, – заявила я.

– Н-да? – Брат с сомнением посмотрел на змея, который, честно сказать, мог собой украсить разве что пещеру Циклопа. – И что оно будет украшать?

– Мой балкон. Это будет символ свободы и полета, – пояснила я и впоследствии усиленно делала вид, что конструкция, перегородившая половину балкона, наполняет меня силой и энергией. Выкинуть змея мне удалось, только когда братца отправили в армию. Я потом ему сказала, что мое творение украли. В общем, пришлось признать, что великого клейщика змеев из меня не получилось.

Да и вообще, великое мне не по плечу. Только шуму от меня много. Но кое-кто говорит, что именно это и есть самое большое мое достоинство. Впрочем, кое-кто может и врать.

Жизнь, как известно, полосатая штука, но я люблю носить вещи в полоску. Мне кажется, что в любом событии можно найти свои положительные стороны. Хотя иногда это сложно даже и мне самой. Когда со всей возможной очевидностью приходится признавать, что ты в полной... как бы это поприличнее выразиться... пятой точке, надо сильно постараться, чтобы отыскать этот самый глубинный смысл. Вот, например, пару недель назад мне срочно понадобилось понять, для чего и почему я вляпалась в полное и безоговорочное дерьмо. Хотя началось все гораздо раньше. Я познакомилась с Ним, когда мне еще не было двадцати. Тогда мне показалось, что это Судьба. Только она могла так бесконечно красиво притормозить перед одиноко мокнущей под дождем девушкой большой серебристый автомобиль неопределенно-крутой марки.

– Вас подвезти? – спросил Он, перегибаясь через пассажирское сиденье. Я нависала над его приоткрытой дверцей и капала на обивку.

– У меня нет денег, – огорченно ответила я. Всею своей юной поэтической натурой мне захотелось туда – в тепло и уют иномарки.

– А кто говорит про деньги? – улыбнулся Он широкой белозубой улыбкой кинозвезды в отставке.

Я, конечно, помнила, что говорила мне мама насчет маньяков с голливудской улыбкой. Но, признаться честно, перспектива свалиться с воспалением легких показалась мне в тот момент более страшной, чем потеря девичьей чести. Тем более ее потеря в таких условиях и с таким симпатичным маньяком... Однако на всякий случай я спросила:

– А вы меня никуда не завезете?

– А куда бы вы хотели, чтобы я вас завез? – весело подстроился водитель под мой липовый испуганный тон.

Мне захотелось, чтобы он завез меня куда-нибудь прямо сейчас, немедленно.

– Домой, – вздохнула я и нырнула внутрь машины.

– Как прикажете, – хмыкнул прекрасный незнакомец и покатил меня по мокрой, жутко противной улице.

– А если я вам что-то нехорошее прикажу? – спросила я, потому что мне стало интересно, насколько далеко распространяются мои полномочия.

– Не прикажете, – без тени сомнения заявил мой спаситель. Он был сказочно красив, голубые глаза, серьезный взгляд, обаятельная улыбка. Сильный, уверенный в себе. И правда, как можно такому что-то приказать? – А если я спрошу, как имя моей прекрасной пассажирки, это не будет считаться преступлением?

– Не будет. Наташа, – представилась я, радуясь, что у этой стихийно случившейся поездки, кажется, будет продолжение.

– А я – Андрей.

– А отчество? – зачем-то брякнула я. Мой новый знакомый с изумлением посмотрел на меня и спросил:

– А что, уже пора? Или, может, я ошибся, и вы, девушка, еще посещаете младшие классы средней школы?

– Ну что вы, – обиделась я. – Мне уже двадцать! Почти. А в душе гораздо больше.

– Это многое меняет, – улыбнулся Андрей и притормозил у моего подъезда. От метро до моего дома было совсем не так далеко, как хотелось бы. Впрочем, только в этот день, потому что во все остальные дни Строгино располагалось невыносимо далеко от подземки.

– Ну, я пойду? – нерешительно взялась я за дверь. Уходить не хотелось категорически.

Андрей смотрел на меня каким-то необъяснимым пронзительным взглядом с некоторой толикой грусти и сожаления. Наверное, так кошка смотрит на милую и очень симпатичную мышку. Я чувствовала его заинтересованный взгляд. И мне это, честно признаться, нравилось, как, я думаю, понравилось бы любой девчонке внимание красивого и солидного мужика.

– А что, тебе так сильно хочется домой? Еще же совсем не поздно. Или тебя будет мама ругать? – он перешел на интимное «ты».

У меня, что называется, сердце ухнуло куда-то в пятки. Вот оно – прямое приглашение продолжить наше стихийное знакомство. Ух ты!

– Мама не будет, – заверила я, закрывая дверцу машины и с ожиданием глядя на Андрея. Что он мне предложит? Теперь, в этой несколько двусмысленной ситуации, я растерялась и не знала, что говорить и что делать. Грехопадение – дело хорошее, но я в нем не понимала ровным счетом ничего. И никак не могла его начать совершать сама. Андрей же не делал ничего предосудительного и противозаконного, а просто смотрел на меня и молчал. К моему великому сожалению, потому что с каждой минутой нашего с ним знакомства я все больше и больше убеждалась, что мне пора, ой как давно пора более внимательно относиться к своей личной жизни. А не только шляться по институтам и курсам английского.

– Ну, тогда, может, немного поболтаем? – с некоторым облегчением предложил он. – Где тут у вас можно поболтать?

– В парке, – с готовностью предложила я.

– Ты знаешь, что очень красива? – спросил меня Андрей, отъезжая от моего дома и направляя машину в сторону парка. У нас в Строгино парков как грязи, всегда есть куда притулиться автомобилю.

– Нет, не знаю, – стрельнула я глазами. Тема нашего разговора меня более чем утешала. Неужели я наконец-то встретила кого-то, кого можно с чистой совестью полюбить? Потому что любить сопливых однокурсников у меня не получалось.

– Тогда знай. Ты очень красива.

– Буду знать, – потупилась я, не очень представляя, как себя вести. Когда кто-то, кто тебе категорически не нравится, лезет целоваться или – еще хуже – пытается тебя облапать, дать ему по руке или даже заехать по щеке и послать его подальше. А что делать со взрослым и к тому же красивым мужчиной, который задумчиво рассуждает о вашей красоте, смотрит на вас нежным, загадочным взглядом, но рук не распускает и неприличных предложений не делает. То есть совершенно никаких. Даже обидно!

– Расскажи мне о себе. Ты хорошо учишься? Хотя ты говорила, что уже закончила школу. Это правда?

– Правда, – кивнула я.

В последующие два часа мы с ним говорили обо всем на свете. Андрей оказался весьма умным и много чего повидавшим в жизни человеком. Он посмеивался над моей детской непосредственностью, кормил меня мороженым и советовал никогда больше не садиться в машину ко взрослым дядькам.

– А то это может кончиться плохо, – пугал он меня.

– Плохо – это как? – уточнила я, потому что, собственно, именно на это я и рассчитывала.

Однако в тот вечер Андрей доставил меня домой в целости и сохранности, обеспечив мне таким образом бессонную ночь, полную надежд, волнений и мечтаний. К утру я уже слепила из него прекрасного принца и идеального мужчину. Благородного, умного, терпеливого. У меня вообще все хорошее получается достаточно быстро.

Следующую неделю я не ходила, а летала. Любовь, изменившая не только мою жизнь, но и гормональный фон, была прекрасна. Естественно, когда Андрей позвонил, я была готова на все и даже больше. А он сделал это только через неделю, за которую я успела всему курсу сообщить, что я наконец встретила мужчину своей мечты.

– Я был в командировке, – извиняющимся тоном пояснил он свою неторопливость.

– А я нет, – кивнула я, еле сдерживая переполняющий меня восторг. Поразительно, как быстро мы, женщины, способны втюриться, особенно когда нам еще не стукнуло двадцати лет.

– Ты по мне скучала? – серьезным тоном спросил он.

– Совсем нет, – попыталась было я отвертеться, но Андрей со свойственной опытным мужчинам сноровкой вытряс из меня все мои мысли и ожидания.

– Я тоже очень хочу с тобой повидаться, – сказал он напоследок.

Он вел себя так, словно бы для него это просто невинный треп приятных друг другу людей. Друзей. Впрочем, может, это так и было? Для него. Я же к нашему следующему свиданию (если это можно так назвать) уже была уверена, что он просто создан для меня. И если он этого еще не понял, так надо бежать и скорее все объяснить. Хотя сказать, конечно, легче, чем сделать. Все-таки я девушка, а девушки не должны признаваться в любви. А он только и знал, что рассказывал мне, как ему хорошо, когда я сижу в его машине.

– А может, тебе станет лучше, если я буду сидеть где-нибудь еще? – спросила я его, заглядывая ему в глаза. Думаю, он все понял. Возможно, он именно этого и ждал.

– А где бы ты хотела сидеть? – аккуратно вернул он мне мяч.

– Ну... где ты захочешь, – смело отбила я пас. А что мне оставалось? Ведь он не делал никаких шагов навстречу.

– Я подумаю, – ответил Андрей и пристально посмотрел на меня, будто обдумывая следующий ход или решая, достаточно ли я созрела.

Однажды, примерно после месяца разговоров и томления, когда я уже не знала, куда девать энергию, и даже предприняла попытку неумелыми руками нарисовать его портрет, Андрей решил, что время пришло. Наш роман вспыхнул практически с пол-оборота, с половины касания, с одного невинного объятия.

– Ты самый лучший, – шептала я, глядя в его красивое лицо.

– Нет, ты, – уверенно отвечал Андрей, прикасаясь пальцем к моим губам.

Вот этим, наверное, и отличается безусый пацан от настоящего мужчины. Первый так и норовит схватить тебя за грудь, а второй нежно, еле заметно прикасается подушечками пальцев к губам.

– Нет, ты! – возражала я, а сердце трепетало от мысли, что вот оно, настоящее чувство. Потому что с таким мужчиной я пойду хоть куда. Хоть на край света, хоть за край.

– Поедешь со мной на дачу? – спросил Андрей. Видимо, отправиться на край света он еще не был готов.

– Куда угодно! – согласилась я, и его элегантная модная машина в один момент домчала нас до какой-то невероятно красивой бревенчатой дачи, где русский колорит изящно сочетался с еврокомфортом в виде душевой кабины и туалета.

– Не боишься? – игриво посматривал на меня Андрей.

Я краснела, потому что центральным моментом интерьера дачи была огромная кровать, поэтому в целях и задачах нашего променада не могло быть разночтений.

– А если и боюсь?

– Но ведь я же рядом! – «утешил» меня он.

В общем, там, около декоративного камина и в домике, окруженном сосновым бором, и состоялось мое посвящение во взрослую жизнь. Я так боялась сделать что-нибудь не то и разочаровать своего рыцаря, что практически ничего не помню. Помню только, что бешено колотилось сердце, а от каминного жара покраснелись щеки. Еще помню его глаза. Прекрасные голубые глаза, полные любви и нежности.

Потом он кормил меня зажаренным над огнем шашлыком и угощал красным вином, от которого у меня кружилась голова и хотелось петь.

– Дай мне еще! – бравурно тянулась я к бутылке.

– А таким маленьким девочкам не вредно много вина?

– Разве я и теперь для тебя маленькая девочка? – удивилась я. И на всякий случай, для убедительности выставила вперед голую ногу.

– Ну что ты. Теперь, конечно же, нет.

– А кто я тебе теперь? – лягнула я. Если честно, это был самый мой главный вопрос, который меня интересовал.

Андрей несколько минут молчал, смачивая губы в вине. Потом внимательно посмотрел на меня и сказал:

– Ты женщина, которую я люблю. А ты? Ты меня любишь?

– Да. О да! – кричала я от радости, и вся дальнейшая жизнь вдруг предстала передо мной. Вот мы с ним идем к алтарю, а от меня глаз нельзя отвести. Вот у нас рождается первенец, и Андрей не может сдержать слезы счастья. Вот мы с ним путешествуем по миру. Вот мы... На этом мое воображение устало замолкало, потому что и так было достаточно.

– И ты хочешь быть со мной?

– Конечно! – хлопала я в ладоши.

– А если это окажется не так просто? – продолжил он допрос.

– Я вынесу все, – заверила я его, тем более что совершенно не представляла, к чему он ведет разговор.

Собственно, он ни к чему такому его и не вел. В тот день. Потом был и другой день, и третий. И снова была дача, и был камин, были прогулки по Москве, пара выставок, где он рассказывал мне о любимых художниках. В основном мы виделись только в будние дни. Мы встречались в парках Строгино, гуляли по берегу Москвы-реки, целовались-обнимались, он дарил мне красивые букеты и говорил красивые слова.

– Когда я долго не вижу тебя, мне становится плохо, – говорил Андрей. И в этот момент я понимала, что нужна ему. На душе делалось легко и приятно. Казалось, что еще чуть-чуть, и все начнется. Начнется моя сказка наяву.

– Так в чем же дело? – сказала я ему как-то. – Если бы ты захотел, ты мог бы видеть меня хоть каждый день.

– Это невозможно, – грустно ответил Андрей.

– Что-то случилось? – заволновалась я, потому что он так ни разу не говорил со мной.

Но Андрей только покачал головой и уронил, что называется, лицо в ладони. Такая патетика растрогала меня до слез. Я уже приготовилась исполнить какой-нибудь акробатический номер, который более пристал для жены декабриста, но Андрей оторвал свои ручки от лица и посмотрел на меня красными глазами.

– Я такой подлец! – сообщил он мне.

Я принялась его утешать, заверяя, что подлецом может быть кто угодно, но только не он.

– В любом случае, я уверена, что ты не мог совершить ничего без крайних причин! – уверенно заявила я.

– А что, если я тебя обманул? Ты была бы способна меня понять и простить? – Он сделал ставку на мое патетическое состояние, и надо сказать, что не просчитался.

– Ну конечно же! – лихо махнула я рукой.

– Дело в том, что я больше не хочу тебе врать. Ты слишком много для меня значишь. Я по-настоящему тебя люблю, – издали начал Андрей, и после такого начала я готова была кушать любое продолжение.

– Я тебя тоже. Очень!

– Тогда просто постарайся понять. Когда я увидел тебя там, тогда, такую юную, совершенно замерзшую и промокшую, я просто не мог не остановиться...

– И слава богу! – вставила я свое слово.

– Как сказать. Хоть я и одинок в душе, и люблю тебя, но...

– Но?.. – тут я замерла, предчувствуя, что хорошего мне не скажут.

– Но я официально женат. Меня с женой связывает только ребенок, она давно уже живет своей жизнью, а чувства умерли...

– Женат? – тихо переспросила я.

– Да, – опустил он голову.

– ЖЕНАТ?! – громко спросила я и почувствовала, как кровь внутри меня делает что-то, что можно обозвать термином «закипает».

– Но я люблю только тебя.

– Как ты мог? Почему ты меня обманул? – Я выдавила из себя правильные в таком случае слова и сделала попытку уйти. Но ноги словно приросли к земле. Мысль, что я снова окажусь совсем одна со своей учебой и мечтами, просто лишила меня возможности двигаться. Я делала свои шаги такими маленькими, такими медленными, что любой дурак догадался бы, что я мечтаю о другом финале. Хочу, чтобы меня остановили.

– Не уходи! – твердо взял меня за локоть Андрей. – Я люблю тебя.

– Не любишь, – еле слышно ответила я, хотя именно этих слов от него и ждала. Боже, как он был убедителен! Как красноречиво рассказывал о том, что именно и почему разделило их с женой. Как он клялся, что сделает все возможное, чтобы только мы были вместе.

– Ты разведешься?

– Обязательно, – сказал он, а я поверила.

Тогда наука психология еще была не слишком популярна в массах, и никто не мог объяснить мне, что сказать – не значит сделать.

– Ты меня простила? – спросил Андрей, чтобы окончательно расставить все точки над «i». Я ответила «да».

Вот тут, наверное, и началась наша подлинная история любви. Моей первой, настоящей и его второй, дополнительной. Хотя, конечно, я так не считала. Могу в свое оправдание сказать, что была уверена в искренности его чувств и что в его обществе чувствовала себя королевой. Он восхищался любым моим начинанием, любой придурью, которые с завидной регулярностью стучались в мою бедовую голову. Сколько всего мы переделали вместе с ним! Он даже учил вместе со мной этот пресловутый английский. Бывали дни, за которые мы не обменивались ни одним русским словом.

– When are we married? – иногда спрашивала я.

Он на двух языках объяснял мне, что сначала хочет, чтобы жена встала на ноги и смогла прожить сама, что она никак не придет в себя от перспективы развода, что еще не готовы документы, закрыт суд, а рак на горе никак не свистнет. Как-то Андрей в шутку сказал, что мы поженимся, когда российская сборная по хоккею возьмет золото на Олимпиаде. Шло время, я умудрилась в полной гармонии с собой закончить институт. И мне выдали диплом, по которому моя специальность называлась изысканно и романтично – историк-искусствовед. Я выбрала Историко-архивный институт, потому что всю жизнь мечтала копать в каких-нибудь чудесных загадках прошлого, прикасаться руками к живой истории, к живому искусству. Правда, потом оказалось, что вся эта романтика плохо оплачивается.

– Поздравляем с окончанием института! – зазвенели надо мной бокалы выпускного вечера. – Теперь вы выходите на большую дорогу жизни. Желаем вам успехов на этом пути.

– Ура! – кричали мы, а однокурсник Петя Бабкин пытался под видом дружеского объятия прижать меня к стене. В который раз.

– Перестань. Отвали, – упиралась я.

– Да чего ты? – удивлялся Петя. – Неужели тебе еще не надоел твой женатик? Неужели ты не понимаешь, что он никогда не уйдет от своей жены? Что-то он как-то долго терпит жену, с которой у него нет ничего общего.

– Заткнись и проваливай, – огрызнулась я, хотя в чем-то Бабкин был прав.

Через пару лет тесного знакомства Андрей стал реже говорить, как мало у него общего с его супругой. Он всячески увиливал от разговоров, старался не допускать открытых столкновений и стабильно проводил все праздники и выходные в семье.

– Ты просто выбрасываешь на помойку лучшие годы! – добил меня «добрый» Петя.

– Что ты понимаешь, – зло отмахнулась я от него.

Однако перспектива вскоре выйти на большую дорогу жизни так потрясла меня, что я впервые решила задуматься, а что же действительно мешает моему прекрасному принцу уйти от жены к самой любимой женщине на свете? То бишь ко мне. В моей голове вдруг зазвонил колокольчик. Неужели это то, о чем ты мечтала? Надо срочно как-то катализировать процесс, а то, не ровен час, придется выходить за него замуж в старости.

Очнувшись после шумных и алкоголенасыщенных выпускных, я позвонила Андрею на мобильный. Тот был рад меня слышать, как и всегда. Он не разрешал звонить ему на домашний телефон по вечерам и приучил меня, как хороший дрессировщик, звонить только на мобильный. Зачем нам всем пустые скандалы? Я, как хорошая девочка, эти инструкции не нарушала

и набирала только многозначный мобильный номер. Ответы, которые я слышала с той стороны проводов (хотя нет, у мобильных же не провода, а какие-то невидимые волны), сильно различались. Их смысловая нагрузка зависела от внешних обстоятельств:

– Хорошо, что ты позвонила. Я как раз думал о тебе. Давай съездим куда-нибудь в пятницу вечером, – это если я ловила его в машине или на улице.

– Вы не туда попали, – это если рядом с ним сидела она (жена).

– Я сейчас немного занят и у меня под рукой нет нужных документов. Я сам вам перезвоню, когда освобожусь, – это если он планировал связаться со мной по пути в булочную или в «Рамстор». Около его дома очень удачно не было ни одного нормального супермаркета, поэтому он мог улепетывать из дома и ходить по «Рамсторам» часами. Эти его походы по магазинам и были основным временем наших разговоров.

Вот именно в такой момент я его и подловила.

– Зайчик! – это я его так называла. А что? Ведь несколько лет любой, даже самый невероятный Антонио Бандерас одомашнивается до Зайчика. – Зайчик, ты можешь говорить?

– Могу, – промурлыкал Андрей в трубку. Я подумала, что так мурлычет скорее не Зайчик, а Котик. Надо будет его переименовать. После свадьбы.

– Мне надо с тобой поговорить, – твердо сообщила я.

– О чем? – тем же тоном спросил Андрей. Наивный. Он не знал, что, пока он там бродит по городу товаров, рассматривая ценники, я уже готовлю ему ультиматум.

– О нас! – Выдала я, и он замолчал.

– А что с нами такое?

– Я не понимаю, что за отношения нас связывают. Я тут подсчитала. Мы вместе довольно продолжительное время. Я даже успела окончить институт. Почему мы до сих пор еще не поженились?

– Какая муха тебя укусила? – спокойно переспросил Андрей.

Вопросы о наших брачных узах так или иначе уже поднимались, а поскольку я всегда сдавала назад в последний момент, Андрей уже не боялся этих тем.

– Муха по имени здравый смысл, – парировала я. На этот раз я решила идти до конца. Честно. Очень честно.

– А-а, и чего ты предлагаешь? Прямо сейчас в ЗАГС? Ты же знаешь, в данный момент я занят очень важным контрактом, я даже физически не успею этим заняться.

– Ты ждешь, когда твоим разводом займется сама жена? Или, может быть, мне этим вопросом озаботиться? – разозлилась я. Доколе, в конце концов? Да, я признаю, что где-то в глубине души мне с ним так хорошо, что просто не хочется рассуждать о чем-то низменном, приземленном. О браке и бывшей жене. Но ведь надо!

– Я жду, чтобы кончился контракт. Тогда я смогу оплатить для нас с тобой нормальную квартиру. Ведь надо же нам где-то жить. Кстати, можешь пока ее начать выбирать. Рассчитывай примерно на трехкомнатную. Или ты предпочитаешь жить с моей бывшей? – усмехнулся Андрей.

– Нет. Она не стерпит всей кучи моих артефактов. Что? Ты купишь для нас квартиру? – Я моментально покрылась искорками улыбки. Вот так всегда, он найдет способ отложить неприятные действия, чтобы и волки целы, и овцы.

– Ты где хочешь жить? У себя в Строгино или поближе к центру? – как ни в чем не бывало спросил Андрей.

– В центре, конечно, – возмутилась я, потому что удаленность от метро давно меня достала. Гораздо проще вынести плохую экологию центра Москвы. Когда тебе еще нет двадцати пяти, ты думаешь, что будешь жить вечно. А если впереди вечность, то какое значение могут иметь выхлопные газы?

– Тогда там и смотри.

– А как быстро ты закончишь контракт? – радостно уточнила я.

– Думаю, три-четыре месяца! – ответил Андрей. Я ликовала. Это уже что-то. В первый раз он назвал точные сроки и не сможет так просто потом от всего отказаться. Ведь нет? Или сможет? Придется признаться себе честно, что планов о совместной покупке квартиры у нас не было ни разу, так что есть смысл подождать. Я решила держать ухо востро и действительно осматривала квартиры, получая массу разнонаправленных эмоций и впечатлений. Оказывается, не так-то это просто, выбрать квартиру своей мечты. У меня этот процесс отнимал почти все свободное время. И даже несвободное. Андрей вел себя идеально. Интересовался процессом, уделял мне много внимания.

– Понравилась? Ну что ж, давай на такую примерно и рассчитывать. Сколько она стоит? Ну, ничего. Думаю, потянем.

– Ты – лапочка! – радовалась я его стоворчивости, а он в ответ на это вытворял такие чудеса в постели, что мне оставалось только удивляться его изобретательности. Наши свидания участились так, словно бы это был второй медовый месяц.

– Как твой контракт? – спросила я Андрея после того, как миновало три месяца. Я, может быть, и не вспомнила о сроках наших переговоров, но мне очень хотелось квартиру, замуж и личного счастья на всю жизнь. И потом, зная свою рассеянность и патентованную бестолковость, я поставила себе в мобильник напоминалку. Там у меня на дате 20 октября было записано «пора жениться!». Техника на службе человека мелодично и пунктуально пропикала в обозначенное время, а у Андрея из-за этого снова начались со мной проблемы.

– Контракт? Пока все непонятно, – вяло отмахнулся он.

Я удивилась. Вроде бы все было на мази. И тут я впервые предположила, что видимость, которую Андрей создал, может быть обманчива. Предположение ввергло меня в грусть-тоску.

– Ты что, совсем не понимаешь, что так больше продолжаться не может? – серьезно и от этого грустно спросила я. Терпеть не могу быть серьезной.

– Чего ты хочешь? – устало спросил Андрей.

– Правды, – вдруг вырвалось у меня. Правда – лучшее лекарство, это мне известно с самого детства. Чем таскать на себе груз какого-то вранья, загромождая душу наподобие старого, набитого отвратным гнильем серванта, лучше одним махом вывалить все наружу, да и снести на помойку то, что нет никакого шанса отреставрировать. Иногда ведь бывает и так, и мне, как историку-искусствоведу, это отлично известно. Но правда – самый страшный для мужчины зверь.

– Перестань придумывать проблемы. Вот закончу контракт, и тогда... – привычно успокоил меня Андрей.

Я успокоилась, но где-то внутри поняла, что это безумие может тянуться вечно.

– И пусть! – сказала я самой себе. Ведь как только я всерьез, на одну секунду представила себе жизнь без Андрея, без того праздника, который вместе с ним приходит ко мне каждый раз, то мне захотелось разбить что-нибудь тяжелое и очень дорогое.

Где-то через месяц, когда за окном начал падать снег и мне стало холодно и одиноко, я не удержалась и позвонила ему домой. Хоть и был вечер. Трубку взял, видимо, ребенок. Кажется, Саша. Его бодрый детский голос сообщил, что папы нет.

– А где он? – зачем-то спросила я.

– Он у мамы в роддоме, – невинным тоном ответило дитя и сделало паузу. Ждало восторгов и поздравлений.

– И кто родился? – слегка ошалев, спросила я.

– Сестричка! – радостно сообщил мальчик.

Вот тут-то я и поняла, что это ВСЕ.

Глава 2

Следственные действия

Каждый человек имеет свои, сугубо индивидуальные особенности характера. Возможно, это следы плохого воспитания, а может, все дело в генетике. В последнее время медицина все больше склоняется к тому, что все в нашей жизни вплоть до плохих оценок в четверти определяется хромосомными хитросплетениями. И плохая дисциплина тут совершенно ни при чем. Не знаю, насколько версия генетиков верна, но она как минимум очень удобна.

– Почему не выучили стихотворение?

– Генетика мешает!

– А, ну тогда до новых встреч.

Красота! Только вот непонятно, кто будет оплачивать сей банкет. И будут вертеться винтики и шестеренки нашей жизнедеятельности, если каждый в силу природной склонности заляжет на диван. Кстати, у меня был один такой знакомый. Вернее, однокурсник. И ему такое отношение к своим генам не принесло ничего хорошего. По природной склонности Захаров стремился сохранять горизонтальную позу любой ценой. А в институт он пошел, чтобы не пойти еще дальше, в стройные и мужественные ряды нищающей Российской армии. Однако процесс познания глубин музейного дела шел у Витечки крайне вяло, главным образом потому, что он старался покидать диван только в особых случаях. Например, во время сессии. Или когда звонят из деканата с угрозой отчисления. Такого рода звонки Витя называл бесчеловечной прессовкой. Бандитские разборки уже косили то тут то там крепких парней с недобрыми улыбками и кастетами. Так что неформальный сленг долетал до всех вместе с брызгами их незаконной крови. До нас, соответственно, тоже. Так вот, после упомянутой прессовки Витек с выражением христианской муки на лице поднимал себя с дивана и, натянув трясущимися от возмущения руками свитерок, отправлялся во дворец знаний.

– А вы кто? – смотрели на него преподаватели, понимая, что это бледное патлатое существо, больше похожее на вампира, видят впервые.

– Студент Захаров. Явился для сдачи экзамена по истории искусства Средних веков. – Тоном героя, явившегося совершать подвиг, рапортовал студент.

– Да? А почему вы лекции не посещали? – всматривались в его фамилию на зачетке преподы.

– Болел, – скорбно заверял их Витя. И его внешний вид вполне подтверждал это заявление.

– А чем, позвольте вас спросить? – упирались особо въедливые, коих было немного.

– Это наследственное, – пространно пояснял Захаров и умоляюще смотрел на зачетку.

Такие методы обучения каналы достаточно долго, целых три курса. Это объяснялось общей жалостью российского народа, который не находит в себе сил требовать еще и каких-то знаний от человека, выглядящего столь плохо, а также и тем фактом, что мы, его однокурсники, периодически отмечали его в ведомостях как присутствующего. Зачем? А затем, что Витин пресловутый диван, на котором он возлежал не хуже Обломова, располагался в отдельной однокомнатной квартире неподалеку от метро «Новослободская». И как вы думаете, где мы вели ту самую студенческую жизнь, которая, как известно, самое прекрасное время в жизни? Где мы духовно сближались друг с другом, где при свечах читали Толстого? Стоп. Этого мы как раз не делали никогда. Вино пили, да. Бывало. И друг с другом сильно сближались, это тоже. Хотя лично я сильно сближаться не торопилась, опасаясь разрушить нежные и трепетные отношения с Андреем. Приходилось обходиться только философскими беседами. Но в любом случае присутствие Витьки в качестве студента нашей группы было наиважнейшей задачей для каждого из нас. Его «зачет» был делом чуть ли не более нужным, чем свой собственный. Однако к

концу третьего курса мы коснулись предмета археология, который преподавал довольно пожилой, но еще крепкий археолог, повидавший, что называется, виды.

– А что же это господин Захаров не подарит нас своим вниманием? – едко спрашивал он у нас.

– Он болеет, – нетвердыми голосами отвечали мы, потому что археолог (в отличие от всех предыдущих преподавателей) предмет свой любил страстно, рассказывал его невероятно интересно, но и драл с нас, соответственно, три шкуры. На семинарах он каждого присутствующего называл по имени и заставлял не просто выдавать в эфир списанный текст, но и думать. Что, как известно, студенты умеют делать прекрасно, но почему-то только за стенами аудитории.

– Таких не берут в космонавты, – весело заявил препод на зачете и поставил Захарову жирный нестираемый недопуск.

– Я могу справку принести! – возмутился студент.

Со справками в ту пору уже не было проблем. Все было возможно для человека с интеллектом. И с какими-никакими деньгами. Но препод внимательно осмотрел болезненную бледность студента и сказал:

– В то, что вы тяжело больны, я верю и без справки. Можете ее не приносить. А вот знания по моему предмету вам принести придется.

– Как же это! – растерянно огляделся Захаров. В его глазах читался вопрос «и что это за предмет?».

В общем, испытания знаниями оказались ему не по плечу. Он трижды пытался пробиться к совести археолога, а тот трижды отсылал его к учебникам.

– Может, правда, выучить? – робко предложил кто-то, когда Витек с горя отказался пить кагор. Но бедолага с такой тоской посмотрел на выскочку, что стало ясно: это невозможно. Кроме того, переволновавшись из-за незачета по археологии, Захаров не пошел еще на два экзамена. И это при его-то и без того неслабых хвостах!

Той же осенью мы провожали Захарова на приемный пункт военкомата. Его наследственная болезнь не была признана черствыми членами медицинской комиссии.

– Годен, – шарахнули штамп в его дело.

Поезд дал три свистка, и Витя последний раз помахал нам из окошка набитого пьяными новобранцами плацкарта. Больше мы его никогда не видели. Поговаривали, что Захаров не вынес прозы жизни и подался косить под психа. Это вполне могло бы у него получиться. Но было это или не было в действительности, никто сказать не мог. Знаю только, что приехавшие с Севера Витькины родители, потрясенные отчислением сыночки из, скажем прямо, не самого сложного и мозгодробительного вуза, квартиру заперли на новый замок, а потом вообще продали. Вот такая сказочка на ночь. Не спешите чуть что следовать зову крови. Иногда все же лучше напрячься и что-то сделать вопреки желанию лежать на диване.

Впрочем, я никогда не отличалась стремлением прикорнуть. У меня другой пунктик. Когда я нервничаю, то меня охватывает лихорадочная жажда деятельности. Сначала, когда я услышала Новость в исполнении Андреева дитяти, мне страстно захотелось нагрянуть к нему в квартиру и все там разнести. Я даже начала собираться, судорожно примеряя висящие в шкафу тряпки. Но когда я взглянула на себя в зеркало перед выходом, то вдруг обнаружила, что одета как на свидание.

– Интересно, почему я надела самое свое сексуальное платье и накрашилась под вапм, если я планирую заниматься рукоприкладством и членовредительством? Почему я не нацепила джинсы и футболку? И зачем на мне бабушкины серьги с аметистами в пол-лица, которые мне очень идут? И очень нравятся Андрею.

– Очевидно, чтобы его вернуть! – честно ответила я самой себе и села на пуфике в прихожей.

Вернуть. Но как можно вернуть то, что никогда не было твоим? Мне что, выкрасть из роддома его новенького ребенка? Или, может, пойти и наконец раскрыть глаза на блудливого муженька его только что родившей женушке? Да, собственно, она-то здесь при чем. Она о тебе может и вообще не знать! – подумала я.

А что? Я ей на глаза ни разу не попадалась, она мне тоже. Мы даже на телефонах никогда не пересекались. А дачи-квартиры, куда мы с Андреем регулярно наостряли лыжи для производства нашей неземной любви, были чужими или вообще съемными.

Главное, непонятно, зачем он мне врал! Он же постоянно клянется, что жена ему совершенно безразлична. Что у них абсолютно формальные отношения.

В задумчивости покусывала я густо накрашенную губу.

А вдруг это не его ребенок, мелодраматично предположила я. В голове тут же заработал генератор счастливых сценариев. Жена Андрея изменяет ему, так же как и он ей. Но из-за ребенка он терпит этот никчемный союз. Однако теперь, когда ему светит перспектива тратить силы, время и деньги на чужого отпрыска, он не задержится у нее ни на минуту. И мы купим ту чудную квартиру у метро «Аэропорт». Хеппи-энд!

«Стоп! Прекрати! Так ты вляпаешься еще на пять лет!» – затрещал внутренний голос.

И что же делать? – растерялась я. Сценарий мне очень понравился. Я уже готова была жить по нему наяву.

«Надо все проверить», – велел голос.

Я задумалась. Что может служить для меня истинным доказательством чувств Андрея? Спросить его самого напрямую? Хм, а где гарантия, что он не скажет мне именно то, что я сама себе нафантазировала. Это очень вкусная и слабо проверяемая версия. А Андрей совет – недорого возьмет. Это я за годы нашего знакомства уяснила твердо. Стало быть, надо изобрести какой-то нейтральный, объективный способ доказывания.

«Поезжай в роддом и посмотри, как он будет встречать жену и ребенка», – снова влез в мои мысли невидимый суфлер.

– Как я это сделаю? – возмутилась я вслух. – Ведь я даже не знаю, в каком роддоме она лежит.

«Узнай», – отрезал голос.

Я задумалась. А что? Это идея. Действительно, лицо Андрея могло бы сказать мне больше, чем любые слова. Вдруг за ней в роддом вообще придет не он. Это было бы самым невероятным, самым стопроцентным доказательством его любви ко мне. Осталось только узнать, где же и когда выпишут эту неизвестную мне женщину. Последнее, кстати, оказалось не так и сложно, потому что тот же самый ребеночек, который за пару часов до этого меня огородил, ответил на все мои вопросы.

– Ты Саша? – плохо контролируя голос, спросила я вражеское дитяtko. Оказывается, я совершенно не умею врать! Надо поработать над собой, а то так недолго и остаться без будущего. Все уважающие себя взрослые люди просто обязаны уметь врать.

– Да.

– А ты не знаешь, как можно навестить твою маму? Я ее старая подруга. Зовут тетя Наташа, – отвратительно сюсюкала я.

– Сейчас посмотрю, – бодро ответил киндер. – Она лежит в семнадцатом роддоме. Тридцать вторая палата.

– Что бы ей привести? Что она сейчас любит? – для вида спросила я.

– Сгущенку. Папа ей уже две банки отвез. Говорит, что сейчас маме без сгущенки никуда, – принялся разглагольствовать сынок Андрея.

Мне стало плохо от его слов, зачем нелюбимой жене возить сгущенку?!

– А когда ее выписывают? – спросила я о главном.

– Должны послезавтра, – сообщил Саша.

Я больше не выдержала, буркнула смазанное «спасибо» и бросила трубку. Все-таки это какая-то извращенная попытка общаться с детьми мужчины, которого ты любишь. С чужими детьми. Сутки я провела дома, бросаясь на стены, как тигра в клетке. Бездействие – не мой конек. С чем с чем, а вот с терпением у меня очень плохо и безжизненно. Поэтому я неуправляемо носилась по квартире, не зная, за что хвататься, а родители с испугом наблюдали мои метания и хлопанья дверьми.

– Что с тобой? – беспокоился папа. С самого детства они усвоили, что если Наташенька не может найти себе применения, жди беды.

– Все хорошо, – процедила я сквозь зубы.

Как сказать папе, что меня трясет от желания посмотреть в глаза мужчине, которого я подозреваю в том, что ему родили ребенка? Жена родила. Как я могла бы осветить такое отцу? Особенно моему отцу, который большую часть жизни провел, отдавая приказы. Думаю, за такой рассказ я получила бы два наряда вне очереди. Я молчала, а в положенный день с самого утра вызвонила справочную роддома номер семнадцать и узнала, что выписка у них происходит после двух часов. Ждать мамочку с деточкой надо со стороны главного входа.

– Спасибо, – вежливо ответила я.

Буквально насильно я заставила себя обойтись без косметики. Конечно, мне очень хотелось произвести впечатление на Андрея, но, во-первых, он не должен был меня видеть, а во-вторых, если даже и увидит, нужно, чтобы он понял – я приехала не глазки ему строить! Я, мысленно натаскивая себя, как бульдога на бой, отправилась на пост около семнадцатого роддома. Добиралась я туда долго и мучительно, поскольку он располагался на улице 800-летия Москвы, практически у черта на куличках. Я уже было испугалась, что мальчик Саша назвал мне совсем не тот номер роддома и фактически не послал меня в нужный роддом, а просто «послал», но тут увидела автомобиль Андрея. Он стоял около пресловутого главного входа, одиноко поджидая владельца.

– Кого-то ждете? – спросил меня бдительный охранник, когда я, крадучись, просочилась внутрь здания.

– Ага, – пространно ответила я, нацепила на ноги бахилы и забилась на лавочку в дальнем углу. Сердце у меня бешено колотилось, потому что именно тогда, когда я надевала бахилы, мимо меня прошел мой любимый, помахивая большим букетом красных роз. Точно таким же, какой обычно он приносил для меня. А вдруг он просто покупал два одинаковых букета? Кошмар. Ладно, спокойствие, только спокойствие. Сейчас все разъяснится. Вот выходит какая-то дама в спортивном костюме. Лицо изможденное, морщинистое. На руках младенец. Она?

– Валечка! – бросился к даме какой-то седой мужик в ондатровой шапке.

Не она. Слава богу. Хотя почему слава богу? Если бы у Андрея была такая страшная и старая жена, мои шансы на замужество сильно бы увеличились. А вот если бы его женой оказалась вон та стройная брюнетка с роскошной грудью, то тогда:

– Мама! Мама! – бросился к вынырнувшей из недр роддома красивой женщине лет тридцати пяти мальчик.

– Саша, не мешайся! – строго и деловито крикнул Андрей. И подошел к брюнетке с выражением восторга и щенячьей преданности на лице.

До меня не сразу дошло. Но потом все же дошло. Эта эффектная мадам и есть пресловутая официальная, на которую Андрюшечка смотреть больше не может? Это она валяется в ногах у него, чтобы он не уплыл от нее в свободное плавание? М-да, что-то, глядя на них, мне кажется, что если кто и валяется у кого-то в ногах, то не она. Хотя... Бывает всякое. Вот у меня был один преподаватель в институте, вбивал в наши головы основы исторической методологии. Был он красив так, что посещаемость его предмета (особенно со стороны женского пола) превышала сто процентов за счет уже прослушавших курс старшекурсниц. Препод в полном восторге вещал о классификациях, созданных в разные периоды разными деятелями,

а мы пожирали его глазами. Он был уверен, что наполняет наши головы нужной информацией, однако на экзаменах мы демонстрировали такую стерильность, что он просто не знал, что делать. То ли раздать всем милостыню за посещаемость и порасставить тройки в зачетки, то ли бежать увольняться и попытать силы в средней школе, где учащиеся еще не достигли возраста половой зрелости и могут смотреть на красивого мужика, не выпадая в осадок. Так что в жизни многое обманчиво, в чем я теперь убедилась еще раз, глядя, как мой (как я считала) Андрей заваливает супругу цветами (действительно, совсем как меня). И хватает на руки, чтобы по-дурацки кружить вокруг мраморной колонны. «Люди, поздравьте меня! У меня дочь родилась!» – орал он на весь роддом.

– Прекрати, ты ее разбудишь! – Жена довольно улыбалась, глядя на то, как Андрей (мой Андрей!!!) нежно тормошит кулечек с этой самой новорожденной дочерью.

– И пусть проснется! И пусть! Пусть покричит, я послушаю ее голос, – смеялся Андрей и целовал, не переставая, то кулек, то свою «ужасную» жену.

Меня словно бы парализовало. И как это мне не пришло в голову, что все эти пять лет мой принц живет вполне нормальной семейной жизнью, добавляя в нее немного перца с моей помощью. Ярость, которая, вполне может стать, заложена во мне генетически, так как до сего дня она ни разу не проявилась, залила мне рассудок до самых краев. Я схватила первое, что попало мне под руку, и с диким криком шарахнула это что-то об пол. Оказалось, это была ваза, в которую торговцы цветами ставят товар. Видимо, товар временно был раскуплен, а вазу за ненадобностью оставили стоять на подставке в углу.

– Что вы делаете?! – налетел на меня охранник после минутной паузы, в процессе которой он тарачил на меня глаза и хватал ртом воздух.

– Идите вы в задницу! – заорала я, неадекватно вращая глазами. – Видеть вас всех не могу.

– Тут сумасшедшая, – крикнул охранник и принялся за руку вытягивать меня из моего укрытия. Я достойно упиралась и пыхтела.

– Отстань от меня, кретин. Подумаешь, ваза. У меня жизнь рушится.

– Дура. Сейчас милицию вызову! – грозил охранник, пытаясь отцепить мою руку от поручня.

– Валяй, – кивнула я, потому что тоже душевно желала чего-то громкого, торжественного и исчерпывающего. Например, бригаду ОМОНа. И тут я увидела, что Андрей смотрит на меня изумленными глазами, в которых на поверхности изумления еще плещется и испуг.

– Может, сама уйдешь? – уже слабее и даже жалобнее спросил охранник, поняв, что меня можно выкурить из Храма нового человека либо подобру-поздорову, либо с применением подотчетных спецсредств типа дубинки. Применять ко мне дубинку старичку совершенно не хотелось.

– Да. Я обязательно уйду. И обязательно сама! – громко и демонстративно сказала я. Потом решительно выдернула свою руку из клешни охранника и гордо проследовала к дверям.

Битое стекло скрипело у меня под ногами. Стояла испуганная тишина. Я приблизилась к Андрею, который побледнел и как-то мелко и противно затрясся в ожидании неизбежного. Господи, да ведь он до дрожи боится скандала. Только и всего! Его жена даже не подозревала о моем существовании. Она так смотрела на меня... Взглядом молодой матери, которая случайно столкнулась с психом. В ее глазах не читалось ничего, кроме страха за ребенка.

Может быть, из-за ее нежного и какого-то восторженного отношения к только что народившемуся дитяти, а может, из-за нежелания разбивать семью, я прошла мимо Андрея, ни на секунду не замедлив шага, даже не кивнув. Он напряженно застыл, склонившись над своим сыном, делая вид, что мальчишке что-то попало на куртку. Когда я уже закрыла стеклянную дверь, Андрей обернулся и встретился со мной взглядом. В его глазах застыл немой вопрос. «Зачем? Зачем тебе все это надо?» Хороший, кстати, вопрос. Неплохо было бы и самой попы-

таться ответить на него. Если не найти какой-то достойной и неоспоримой причины, то получится, что я – дура набитая и доверчивая тупица. Разве этот вариант меня может устроить? Никак. И Андрею, прежде чем я его брошу, следует со мной объясниться, разве нет?

Честно говоря, после такого нелепого нашего свидания я весь вечер ждала его звонка.

– Зачем ты туда приперлась? Что ты творишь? Неужели не могла просто позвонить мне, я бы все тебе объяснил, – сказал бы Андрей.

Я бы фыркнула и притворилась, что смертельно его ненавижу и не могу слышать его голос.

– Объяснил бы? Что? – спросила бы я.

И дальше я в тысячах вариантов проигрывала наши возможные вопросы и ответы. Я придумала бравурные диалоги, трагические монологи, равнодушные междометия, оскорбительные бросания трубок. Беседу по душам, наконец. Беседу, в которой мы расставим все точки над «і» и расстанемся друзьями. Я ждала этого разговора, я боялась его. Я нуждалась в нем.

– Это меня? – кричала я из комнаты каждый раз, когда звонил телефон.

– Это из собеса, – отвечал отец. – Они требуют еще каких-то бумаг для получения льгот.

– А-а, – тянула я и снова уходила к себе.

Так прошел весь вечер, вся ночь. И весь следующий день, как, впрочем, и все последующие дни. Андрей снова поступил как настоящий мужчина. Он струсил и не позвонил мне больше вообще. Видимо, осознав, что легкого и ни к чему серьезному не обязывающего романа больше не будет, он просто стер меня из памяти своего мобильного. А может, и из своей личной, человеческой памяти тоже. Оп-ля!

Вот это был вариант, которого я никак не ожидала. Несколько дней я злилась и металась. Потом жалела, что вообще пошла в роддом. Потом жалела, что вообще познакомилась с Андреем под этим нехстати полившим дождем. И, наконец, к концу недели я пожалела о том, что родилась на свет. После этого наступила апатия. Я не хотела есть, не хотела спать, не хотела читать...

– Может, ты заболела? – заволновалась мама, помешанная на здоровье своих птенчиков.

– Нет. Я здорова, – отвечала я, думая о том, как бы уснуть и проспять одним махом год.

– Если ты хандришь, тебе надо обливаться холодной водой! – сообщил папаша.

Идея вылить на себя посреди зимы ведро холодной воды окончательно вогнала меня в депрессию. Я стала смотреть все сериалы по телевизору. Мексиканские я любила особенно, потому что от них мозг густел и превращался в карамель.

«Антонио, ты думал, что Мария родила сына от тебя, но и Рикардо думал тоже, что он от него. А на самом деле Мария родила не от тебя и не от Рикардо, а вообще никого не рожала!»

– Как ты можешь смотреть такую муть? – вопрошал мой брат Илларион, названный так сложно в память о героическом дедушке по папиной линии.

Старший Илларион бороздил просторы Мирового океана в звании капитана первого ранга. Наш папа, Михаил Илларионович, мечтая во всем повторить судьбу горячо любимого отца, всю жизнь отдавал честь и носил армейские сапоги. Но таких высот не достиг и отбыл в отставку скромным майором. Вообще, в жизни папки было немало разочарований. В моряки он не прошел по здоровью. В отличие от своего легендарного отца он категорически не выносил качку и мог пребывать на судне исключительно в бессознательном, вывернутом наизнанку состоянии. Сухопутная служба оказалась тяжелой, безденежной и бесперспективной. Взятки он давать не умел, кумовству был чужд. Отставка дала папе массу свободного времени, которое он тратил на попытки выжить на пенсию. Единственной его отрадой были мы – дети и здоровый образ жизни, которым он всех достал.

– Если уж у тебя депрессия, сдай за меня анализы. По твоим анализам мне точно больничные дадут, – оживился брат, глядя на мое тупое бессмысленное лицо.

– Пошел вон, – вяло отмахивалась я от него. Ларикова нелюбовь к труду была притчей во языцех. Участковый терапевт специально ради визитов моего бурателлы держала в кабинете поганую метлу. Ларика она принимала только в крайних случаях и с анализами крови и прочего на руках. Еще в школе брату не было равных в искусстве симуляции. Он не только умел усилием воли повышать температуру и кашлять в нужных местах так, что переворачивал сердца, однажды он путем умелого сочетания ананасового сока, льда и перца сумел добиться полной иллюзии ангины. Две недели постельного режима, и он тогда остался в чистом выигрыше. – Жирно тебе будет пользоваться моими несчастными анализами.

– Злая ты. Если ты не подобреешь, тебя бог накажет! – заметил Ларик, старательно вращая глазами.

– Не мешай мне смотреть кино, – строго посмотрела я на него.

– Если бы я был главврачом какой-нибудь экспериментальной больницы, – ответил брат, – я стал бы применять эти бредни в качестве общего наркоза. Потому что в тот момент, когда твоя Мария причитает, что не может разобраться в том, кто кого родил, можно смело успеть вырезать аппендицит. Пациент бы этого даже не заметил.

Глава 3

Арт-терапия

Многие умные (в меру) женские журналы пишут: «Ты – то, что ты ешь». Интересно, как понимать это утверждение? Если я ем селедку, я что – селедка? Возможно, что и так. Во всяком случае, тех людей, которые сидят на низкокалорийных вегетарианских диетах, запросто можно вычислить в любой толпе. Лица у них – постные. Но если следовать такой логике, то я, просидевшая всю зиму на конфетно-шоколадной диете, предаваясь тоске по своей так неожиданной и прозаически погибшей любви, могла по праву называться чем-то типа «sweet heart». Количество шоколада, которым я пыталась подсластить пилюлю одинокой старости и отверженности, превосходило самые смелые ожидания. Однако долгое время я этого не замечала.

– Куда подевались конфетки? – спросила я маму в одно прекрасное утро, когда зима за окном неожиданно сделала шаг в направлении еще холодной, но уже довольно достоверной весны. У марта еще не получалось по-настоящему поднять температуру и растопить снег, но он весело светил ярким греющим солнышком.

– Как куда? Ты их все слопала! – возмущенно отреагировала мама, которая очень болезненно относилась ко всему, что касалось продуктов питания.

– Я? Да их там было море, – удивилась я.

– А ты как кит, пропускала их внутрь, словно это планктон! – выпалила мама, озираясь по сторонам.

Ларик в это время тоскливо пил чай. Он понимал, что выход на работу неизбежно надвигается. Что вот еще чуть-чуть, и он накроет его, Ларика, с головой.

– Красиво сказала! – восхитился он маминым выступлением.

Видимо, эта сцена наполнила его сложную непредсказуемую душу силой. Он отодвинул от себя чашку и встал. На лице брата неожиданно отразилась готовность следовать к месту исполнения трудового долга, кое располагалось в недрах одной Интернет-компании. Фирма, которая до сих пор зачем-то выплачивала Ларику зарплату, обеспечивала народонаселение одного из центральных районов столицы высокоскоростным доступом во Всемирную паутину. Что, кроме халявного посещения порносайтов, там делал мой братик, я не знаю. Хотя в теории он был обязан отслеживать трафики посетителей их сервера и отлавливать мошенников, пользующихся прорехами в программах Билла Гейтса. Прорех было столько, что мой дорогой родственник давно перестал напрягаться ловлей умников-хакеров и регулярно докладывал руководству, что в Багдаде все спокойно. Начальство искренне радовалось, уважало Ларика за мастерство и ум, а поскольку проверить его утешительные слова они возможности не имели, эта идиллия продолжалась уже пару лет. Если бы, к примеру, Ларик оказался честным человеком и отражал реальную ситуацию с несанкционированными подключениями, начальство испортило бы себе нервы и, возможно, даже заработало бы язву. А так всем было хорошо. Ларик бил баклуши и получал зарплату. Без зарплаты ему было бы тяжело. Он обладал сложной, как швейцарские часы, и хрупкой, как богемское стекло, душевной структурой. Желание интересно проводить время и достойно выглядеть в глазах друзей боролось в нем с нежеланием что-либо делать и от чего бы то ни было напрягаться. Только нашей маме удавалось каким-то неведомым образом, шуткой ли, угрозой ли или вообще силой отправлять его раз за разом на работу. Она ювелирно высчитывала момент, когда сыночка надо выставить за дверь, чтобы для визита к друзьям было еще рано, а вернуться домой стыдно. В таком случае Илларион ожидаемо ехал в офис, чтобы не торчать на улице, потому что, несмотря на мартовское солнышко, на улице еще слишком холодно.

– Я не кит! – возмутилась я. – И что такого, если я съела пару жалких карамелек?

– Пару? – раздался голос Ларика около двери в прихожей. – А ты знаешь, что заедать стресс сладким – это прямой путь к диабету. Превратишься в бомбу!

– Убью, – предупредила я, но этот проходимец успел выскользнуть из прихожей и через несколько секунд выпорхнул из подъезда.

Я молча проводила его тощую вредную фигуру взглядом и подумала про себя: скорее бы он женился, что ли. Но слова брата о том, что я заедаю стресс, засели у меня в мозгу занозой. Неужели я так много ем? А почему это никак не сказывается?

– Потому что все вы – Тапкины – тощие сволочи! – сказала однажды про нашу семью моя школьная подруга Алла Трофимова, девушка БОЛЬШИХ моральных и внешних достоинств.

И действительно, нас с братом кормить – проще сразу убить. Перевод продуктов, и все тут.

– Деточка, тебе надо чем-то занять себя. А то вся пенсия уйдет на шоколадки, – подкатила ко мне мама, решив, что в моей системе обороны есть некоторый пробой, и доводы, высказанные именно сейчас, могут и возыметь успех.

– Я не знала, что все так запущено, – пристыженно отреагировала я.

Действительно позор. Позор взрослой двадцатилетней нигде не работающей дочери пожилых родителей проедать их пенсию, переводя все деньги на конфеты «Му-му». Вот когда я пойду на работу, то с чистой совестью буду тратить все деньги на любые изыски. Буду вообще питаться одной черной икрой, как Верещагин из «Белого солнца пустыни». Интересно только, когда это славное время уже настанет? Ну да с этим все пока не ясно, особенно если учесть, что я историк с дипломом, но без опыта работы и с некими романтическими представлениями о мире, свойственными всем молодым особам, живущим за счет родителей или мужчин. А пока надо перестать лопать конфеты, разоряя предков, и хорошо бы начать заниматься чем-нибудь более пристойным.

– Пойдем, – предложил как-то бывший однокурсник Петечка, – в кино. На поцелуйный ряд.

Я представила себя с этим полумужчиной-полуподростком на последнем ряду одного из этих современных кинотеатров, где тебе по голове постоянно долбит сурраунд, и меня передернуло.

– Нет уж, спасибо. Я лучше дома посижу.

– А хочешь, я с тобой побуду? Дома? Могу каких-нибудь кассет принести, – тут же сменил он ориентиры.

Я задумалась. Сериал про Марию кончился, а страдать по Андрею, который так и не позвонил, хотя уже миновала зима, мне надоело. Может, и правда пригласить Петюню? Он хоть мне и не нравился как мужчина, но все же мог развеять скуку.

– Да? И ремонт в моей комнате поможешь делать? – спросил я.

Мне давно опротивело смотреть на обои, которые висели в комнате во все время моего романа с Андреем. Каждый раз, когда я видела противные розовые цветочки на стене, мне вспоминались многочисленные букеты, которые я заботливо отмачивала в ванной и лелеяла в вазах.

– А ты умеешь? – с недоверием переспросил Петечка.

– Я-то? Конечно! – уверенно заявила я. А что? Я же помогала школьной подруге Алле клеить обои. Один раз. А еще в институте я мыла окна. Много раз. Это разве не опыт?

– А я – нет, – с сомнением заколебался Петька.

Вот так у них – у мужиков – всегда. Как в кино поцелуйничать – это всегда, а как шпателем помахать – в кусты. Слово «шпатель» я знала от маляров, делавших ремонт в подъезде. Они частенько орала на весь подъезд: «Манька, шпатель подбрось, а то мой Ванька пропил!» Из этих прений я усвоила, что шпатель – штука ценная и нужная.

– Ну и хрен с тобой, – решила применить я удар ниже пояса. – Я куплю себе открытую форму-комбинезон и буду надевать его на голое тело.

– Ах, ты так?! – обиделся Петька. – Это бесчеловечно.

– Такова жизнь! – ответила я.

Через два дня Петечка с некоторым набором подручных средств (среди которых, по его заверению, был и шпатель) появился к нам.

– Петечка, как хорошо, что ты приехал! Наташенька ремонт затеяла. Ты уж не дай ей покрасить комнату в черный цвет, – умоляюще посмотрела на Петьку мама, встречая его в прихожей.

– Не очень-то и хотелось, – фыркнула я.

Самым обидным в этом было то, что я действительно хотела декорировать стену пятном баклажанного цвета, которое символизировало бы темную сторону мужской души. И вот так быстро и так жестоко наступили на горло моей песне.

– Сначала будем проводить подготовительные работы, – успокоил маму Петька.

– Какие такие работы? – спросила я. Мне пора было начинать разрушать и крушить свой старый мир, разводить сантименты я не собиралась.

– Обычный. Сначала вынесем мебель, потом накроем пол, чтобы не испортить паркет, – пояснил Петька.

Я загрузила. Действовать по инструкции, тщательно исполняя рекомендации книги «Ремонт своими руками», – что может быть скучнее.

– И даже не думай! Не позволю! – зачем-то запаниковала мама.

Я пожала плечами, заверила ее в моей адекватности, и мы приступили.

Мама была права. Проблемы начались еще на подготовительном периоде. Несчастный диван, например, не желал вылезать через дверь в неразобранном состоянии. Усилим воли и с применением грубой силы я продавила-таки полдивана в дверной проем, потому что разбирать его целиком мне было лень. Вторая половина оказалась толще, чем первая.

– Почему ты не предупредил меня? – шипела я на Петьку, пытаюсь втиснуть диван, как ребеночка в родовые пути.

Петька беспомощно метался вокруг и причитал:

– Это же твой диван! Я-то тут при чем? Как бы мне выйти?

– Выйдешь только вместе с диваном! – злорадно отрезала я, поскольку была с внешней стороны дивана (и, соответственно, имела свободный доступ в туалет), а он сидел в разоренной комнате и мучился.

В результате почти двухчасовых мучений мы потеряли и диван (подрали всю обивку), и дверной косяк, и Петьку (который сказал, что все ЭТО совсем не напоминает ему любовь и секс), и я осталась одна в комнате мебели, штор, но с обоями, частично оборванными около бра.

– Твою бы энергию, да в мирных целях! – ахнул брат, когда увидел разруху, унесшую столько дорогих нашей семье вещей. – Что будешь делать?

– Все! – ответила я. Время страдать прошло. Пора было менять старую жизнь на новую. Да и просто пора было что-то менять. Примерно через три недели я, заляпанная шпаклевкой, вымазанная белой водоэмульсионной краской и с исколотыми занозами от столярных работ пальцами, лицезрела новый дизайн своей комнаты. От Андрея не осталось и следа. Причем, что немало удивило меня, не осталось даже в голове. Ярко-оранжевые стены вдыхали в меня бодрость, а над головой, под потолком тепло грело желтенькое солнышко. Я нарисовала его в углу над кроватью. Получилось м-м-м интересно, как минимум. Солнце смотрелось как живое. Стены, правда, не представляли собой идеально ровную поверхность, поскольку освоить искусство разляпывания шпателем шпаклевки я так и не сумела.

– И что это за Альпы? – с удивлением осмотрел мою многотрудную работу мерзавец Ларик, с которым мне приходилось во время ремонта ночевать на его территории.

– В каком смысле? – спросила я.

– В смысле гористости твоих стен. Ты что, не прочитала в книжке этого придурка Пети, что материалы, прежде чем они засохнут, надо выровнять? Ты забыла размазывать алебастр по стене, – смеялся брат.

– Примитивный дурак! – огрызнулась я. – Не понимаешь всей красоты замысла. Я специально так сделала. (Неправда, я врала.)

– Ну-ну, – хмыкнул братик и через некоторое время с удивлением осматривал мой оранжевый колор. Действительно, замысел удался. Помимо солнышка пришлось нарисовать где домик, где травку, а где и неопределенные абстракции. Благо краска замечательно ложилась на обои.

– Ты и вправду будешь тут жить? – с тоской посмотрела на меня мама.

– А почему нет? Тут так позитивно, что у меня сразу поднимается настроение! – бодренько заявила я. Но про себя подумала, что, честно говоря, кроме солнышка, мне ничего не нравится. Лучше бы я наняла профессионала, который отшкрябал бы от стен все то, что я на них налепила, и аккуратно заклеил бы все какими-нибудь веселенькими обоями с горным пейзажем. Но марка есть марка, придется ее держать. Когда это Наталья Тапкина делала что-то не так?

Но вопрос о мастерах по ремонту на повестке дня все же оставался, ибо я понимала: долго я в этом солярии на дому не выдержу.

Так я пришла к выводу, что мне нужна работа. Только где ее взять? Вернее, сначала надо было понять, какая работа подойдет молодой особе с простецким дипломом. Если бы я разбиралась в компьютерах и прочей железной шелухе, я бы напросилась к Ларику в помощники. Я даже пересилила бы отвращение к порносайтам, но моих посредственных знаний продвинутого пользователя (продвинутого вниз) хватало только на то, чтобы включить компьютер, найти ярлычок с телефончиком, ткнуть в него, а потом напряженно гадать, почему же это у меня не коннектится.

– Ты не подключила локальную сеть, дурында! – скажет Ларик.

– На черта мне эта локальная сеть, если мне только надо отправить e-mail?

Ларик посмотрит на меня жалостливо, словно бы я – жертва землетрясения, случайно выжившая, но оставшаяся без мозга. Потом ткнет куда-то в глубинах таинственного окошка под названием «панель управления», и я в секунду влечу во Всемирную сеть.

– Как ты это сделал? – ошалев, поинтересуюсь я.

– Говорю же, включил локальную сеть.

– А раньше почему это было не надо?

– Раньше она уже работала. Отстань и отсылай свой e-mail, пока еще чего-нибудь не натворила.

В конце концов, а кто сказал, что женщина обязана понимать, что такое локальная сеть. Я догадываюсь, что это какая-то маленькая сеть, которая подпитывает большую. Но, конечно, этого недостаточно для того, чтобы заделаться сотрудником компании, где Ларик ежедневно по телефону, электронной почте и «аське» отвечает таким же дурам, как я, что надо нажать, чтобы подключить локальную сеть. И не надо думать, что на этом наши проблемы заканчиваются. Если даже локальная сеть коннектит без проблем, я могу сама, не знаю как, изменить Ай-Пи адрес (знать бы еще, что это за зверь), или нечаянно стереть пароль входа, или попытаться сконнектиться с гостевого пароля, а потом долго удивляться, почему это сеть у меня работает, а сайты не грузятся. В общем, полный перечень моих типичных ошибок можно публиковать книжкой под модным названием «То, что нельзя делать даже чайникам».

Получается, любая работа, где требуются глубокие технические познания, для меня отпадает. Что же остается? Водить трамвай? Кажется, там берут и женщин. А в троллейбусах им, кажется, дают раньше выйти на пенсию.

– А зачем же ты шесть лет корячилась в институте? – спросила я сама себя, оскорбленная перспективой всю жизнь водить троллейбус по маршруту Митино – Куркино, например. Вот если бы я могла водить самолет! Это был бы номер. А так, с работой была полнейшая неразбериха.

Но жить в оранжевой, воняющей краской комнате становилось все труднее и труднее, и я решила. Если в ближайшее время никто и ничто не укажет мне путь к материальному благополучию, я устроюсь на первую же попавшуюся работу в архив или картотеку. И пусть я рождена для другого, но бездельничать в ожидании чудес я больше не буду.

– Детка, ты хочешь работать? – аккуратно поинтересовалась мама, когда я делилась с ней своими фаталистическими идеями.

– Ну, да. Я же хочу быть полезным членом общества, – кивнула я.

– А вот Марье Петровне нужен социальный работник в собесе, – настороженно бросила она.

– И что делать? – помрачнела я. Неужели это знак? Неужели вот так и канут все мои смутные мечты, от которых так сладко и неповторимо замирает сердце?

– Ничего сложного. Ходить по магазинам, продукты бабушкам носить. И немного им по хозяйству помогать. Зато будет зарплата и премия. И социальные путевки.

– В социальные санатории, где один общий туалет для лиц обоих полов расположен на улице в дальнем углу пансионата?

– Зачем ты так? Зато Марья Петровна тебя очень любит. И проезд бесплатный, – жарко аргументировала мамуля.

Я верю, что она и вправду желала мне только добра, но... В двадцать пять лет как-то надеешься, что судьба сулит тебе жизнь более яркую и интересную, чем жизнь соцработника. Уж лучше водить трамвай. Пожалуй, лучше подождать еще одного знака судьбы. Мама не может считаться за полноправного оратора божьего, и к тому же она предвзято относится ко мне. Она всегда, всю жизнь старалась меня куда-то пристроить, чтобы я не была без присмотра и чтобы чего не вышло. Однако, раз уж я до сих пор жива и моя способность находить проблемы не привела к крушению мира (развал Советского Союза не в счет, я ведь тогда была совсем ребенком), значит, я не так опасна, как может показаться на первый взгляд. И потом, Андрей всегда говорил, что я – неисчерпаемый кладезь гениальных идей, веселья и удовольствия. Впрочем, об этом я не хочу вспоминать.

Глава 4

Курс молодого бойца

Интересно, кто-нибудь когда-нибудь пытался вывести зависимость длительности страдания от пережитого горя? Ну, есть же законы, по которым сила одного пропорционально равна квадрату чего-то там другого. Возможно, что и со страданиями человеческими так же. Согласитесь, неправильно убиваться годами из-за того, что разбилась какая-то там красивая тарелка или чашка. Стало быть, если сумма вынесенной неприятности – величина незначительная (можно ввести прогрессирующую шкалу, как у юристов: до ста рублей, до тысячи рублей, свыше пяти тысяч рублей), то и горевать по потере надо недолго (до одного дня, до одной недели, до месяца). Но не более года, чтобы не было соблазна предаваться печали всю оставшуюся жизнь. Если, например, у тебя сгорела дача и потеря явно тянет на что-то гораздо большее, чем пять тысяч рублей, все равно страдать больше года не имеешь ты права.

К тому моменту, как март и апрель сменились на май, мое настроение улучшилось окончательно, а призрак Андрея перестал тревожить мое сердце. Подумаешь, первая любовь! Будет и вторая. Мама всегда говорила:

- Личные трагедии и драмы – не повод рушить всю свою жизнь.
- А что – повод? – интересовалась я.

– А ничего! – надувалась мама. – Есть же такой термин – срок траура. Даже над покойником не плачут вечно, а ты, прости господи, над какими-то тройками убиваешься.

– А почему ты не ругаешься? – удивлялась я, потому что моя мама атипично спокойно переживала мои учебные неудачи в школе.

- Я хочу, чтобы ты улыбалась и шла дальше, – говорила она.

Вот и теперь я вполне была готова идти дальше. Только непонятно, куда идти. Если ты несколько лет жил одной жизнью, то сложно сразу же все перечеркнуть. Я любила Андрея пять лет, он в одном флаконе был и моей первой большой любовью, и первым мужчиной. Что, кстати, было единственным случаем в известной мне институтской практике. Все мои сокурсницы к моменту первой большой любви уже имели солидный сексуальный опыт. Иногда даже чересчур. Правда, мне ведь мое пуританское мечтательное отношение к жизни ничем не помогло. Сiju и пытаюсь найти способ не устраиваться на работу. Потому что впереди лето, солнце, море. Я вполне готова совершить неожиданные прорывы в карьере, но почему же я должна именно к лету начинать трудовую карьеру? Мне стало так обидно, что я вырвала из розетки телевизионный шнур. Сколько можно смотреть всякую муть, спародированную с Америки.

- Вот молодец! – порадовалась за меня мама. – Но в другой раз нажимай кнопку.
- Пойду-ка я погуляю, – сообщила я и натянула первые попавшиеся штаны.

Прогулка мне всегда помогала собраться с силами и решить, что делать дальше. А ведь это самое сложное – придумать, куда плыть дальше. Лично я готова годами помогать маме мыть посуду и быть хорошей девочкой, лишь бы не принимать глобальные ответственные решения.

На улице было тепло, грязно и мокро. Светило солнышко. Московская природа – это удовольствие для искушенных, потому что коктейль из пыли, смога и квадратных домов не сможет доставить удовольствия кому-то с банальными представлениями о красоте. Это примерно как водка. Вы пробовали водку в детстве? И вообще, как быстро вам удалось полюбить сей напиток? Лично мне огненная вода не понравилась сразу. Я и до сих пор с опаской отношусь к вертолетам, которые у меня начинаются после третьей рюмки. А третья, как известно, случается довольно быстро, потому что между первой и второй перерывчик небольшой. Так что примерно через час после начала вечеринки я начинаю выделять кренделя и задавать окружающим вопросы «Как пройти в библиотеку?». Это если я пью водку. Поэтому я стара-

юсь ограничиваться вином, от которого может стать очень плохо наутро, но в процессе будет хорошо, очень хорошо либо ослепительно хорошо. Но ведь сколько есть на свете любителей именно водки. Они ее выбирают за простоту, незатейливость и эффект. Одна стопка водки по силе воздействия равняется трем бокалам вина. А если прикинуть КПД с учетом финансовых затрат, то переплюнуть водку не сможет ничто. Вот так и Москва, крепкая и горькая, любима многими. Теми, кому уже мало терпкости парижского вина, сладости испанского компота «Сангрия» и замысловатости всяких там текил.

«Дешево и сердито!» – говорят про водку, даже про самую хорошую. И Москва такая же. Дешева и сердита.

Парк, в котором я бродила, предаваясь раздумьям о родных чумазах пенатах, сиял уже зазеленевшими листьями на веточках деревьев и желто-коричневыми кучками, оставленными на память друзьями нашими меньшими на влажном асфальте.

– И почему только у нас не заставляют убирать за собаками? Как в Европе. Было бы здорово, – высказалась я, еле успев обойти справа по флангу очередную кучу. Кажется, я даже прибавила к высказыванию что-то такое матерное. Для убедительности.

– Действительно. Я так и вижу, как дорогие россияне с пакетиками бегают по дворам. Прямо после того как похмелились. И для пущей строгости моют тротуары шампунем, – раздался чей-то голос сбоку, прямо из веселых молоденьких кустов. Вот те на, а я-то думала, что я одна.

– По всему периметру одной шестой части суши! – dokonчила я мысль и улыбнулась.

– Точно, – согласился голос из кустов. И замолчал.

Я принялась стесняться, потому что разговаривать вслух с самой собой было не очень нормально, на мой взгляд. И я решила пояснить:

– Вообще-то я не разговариваю сама с собой (вру!). Это со мной только сегодня, – виновато залепетала я, вглядываясь в гущи кустарника. Сквозь них смутно просвечивал чей-то силуэт.

– Понятно, – усмехнулся голос. – А что, есть повод?

– Да нет, просто в такой день приятно поговорить с интересным человеком, – довольная, что нужный анекдот столь вовремя всплыл в моей памяти, отшутилась я.

– Это правильно. Значит, вы ругаете за чистоту улиц? А в детстве приходилось вам участвовать в мероприятиях общественного идиотизма под названием «субботник»? – спросил обладатель голоса, выбравшись из кустов. Им оказал молодой человек лет тридцати пяти с псиной неопределенной породы.

– А что, вы бы сами собирали... это все за собачкой? – ехидно поинтересовалась я. Собачка посмотрела на меня без одобрения и твякнула.

– Я – нет, – с деланой серьезностью рассудил молодой человек. – Но я – вне списка.

– Это еще почему? – спросила я.

– Потому что я – законченный эгоист и проходимец, – ответил он и засмеялся.

Я засмеялась тоже, хотя после Андрея мне нужно было бросаться врукопашную на всех проходимцев и эгоистов. Но незнакомец так обаятельно улыбался, что хотелось немедленно и самой заделаться такой же проходимкой.

– Так что? Пусть убирают другие? – строго спросила я. Даже брови сдвинула.

– Именно! – кивнул он. – Правда, так удобнее? Но, в крайнем случае, я заплачу какому-нибудь уборщику за собаками. Я всегда предпочитаю заплатить.

– О, да у вас барские замашки! – попыталась я поддеть его, но он, кажется, пропустил мой укол мимо ушей, и я подумала, что такого товарища, наверное, вообще сложно вывести из себя.

Мы шли рядом по дорожке и молчали.

– Что? Вы что-то сказали? – посмотрел на меня незнакомец.

Я, конечно, по-прежнему презирала весь мужской род, но поскольку мой случайный спутник не вызывал во мне явной антипатии, то я была не против поболтать. Просто поболтать. И потом, я так долго молила господина о знаке, о помощи в выборе пути, что вдруг небо именно с помощью этого пижона решило навести меня на мысль о том, что делать дальше.

– Нет. Ничего, – усмехнулась я. – Что тут скажешь?

– Мне показалось или вы действительно грустите? – вдруг зачем-то спросил он.

– Есть немного, – призналась я. Действительно, грустно думать о работе в такой прекрасный майский день.

– И наверняка из-за мужика? Такая вроде нормальная девушка, а туда же. Все мужики сволочи, верно? – Молодой человек по-прежнему улыбался, правда, теперь уже только глазами.

– Ага, – выпалила я, хотя, признаться, про мужика я не очень-то думала. Но отчего бы не перемыслить им косточки, если есть подходящий повод? – Они врут, используют женщин, а потом просто забывают о нас.

– Скажите, разве у вас ни разу не было возможности вывести этого клятвopеступника на чистую воду? – тоном специалиста по подобным вопросам спросил он.

– Ну... не знаю, – попыталась отвертеться я, а про себя уже понимала, что он прав. Сто раз была такая возможность. И только моя природная лень, которую я предпочитала называть доверчивостью, остановила меня. Пять лет позволила ваньку валять! Хотя какого, на фиг, ваньку? Себя, себя, милую!

– Вот именно, – довольно поднял палец вверх этот странный улыбчивый господин. – И вы все понимаете, и мы все знаем. Мы пользуемся вашими слабостями, вы позволяете нам это. Закон жизни!

– Это какой-то неправильный закон. И потом, зачем тогда все это? Любовь, семья, белая фата и торжественные клятвы. Зачем рожать детей, ездить на шашлыки?

– А я, кажется, не говорил, что вижу во всем этом смысл, – довольно резко осадил меня незнакомец. Я даже растерялась от такого его заявления. Я как-то больше была готова к тому, что он будет уговаривать меня, что не все такие и не всегда так. – Кроме разве что шашлыков.

– А, вот как, – запнулась я, лихорадочно соображая, что на это ответить и как его получше отбрызгать.

Ничего дельного, как всегда, в голову не пришло. Интересно, что практически все достойные остроумные ответы приходят в мою голову с опозданием, когда поезд давно ушел. Я могла бы ответить, что такие глобальные выводы о жизни можно делать, только прожив ее. Или что такая позиция очень удобна, лишь пока ты молод, а вот посмотрим, что он будет пить, когда перед смертью ему не дадут пресловутый стакан воды. А он ответил бы, что не уверен, что в такой момент ему захочется пить. Но я ничего такого не сказала, а спросила, как его зовут.

– Разве я своим циничным заявлением не отбил у вас охоту разговаривать со мной? Я думал, что вы мне после такого не подадите руки, – ерничал он.

– Руки я вам и не подам. А поболтать? Отчего же, с удовольствием, – ехидно ответила я. – Наше вам с кисточкой.

– Ну, тогда я Борис. А вы? Или это страшная тайна? Я надеюсь, что мой невинный интерес не будет расценен как внезапно разгоревшаяся искра любви? Я – не ваша судьба? – на всякий случай спросил он.

Я рассмеялась.

– Ну у вас и самомнение. Неужели вы допускаете мысль, что я брошусь соблазнять вас после пяти минут болтовни?

– А что? Между прочим, такие случаи уже бывали, – примирительно посмотрел на меня молодой человек.

– Да что вы? Ну так я вам скажу, что к любви я совершенно равнодушна. Хватит. Накупалась. У меня теперь только одна проблема – чем бы заняться. Да так, чтобы за это еще и прилично платили!

– Правда? – взвился от удовольствия Борис. – Надо же. А у нас с вами много общего. Так как же вас зовут?

– Наташа. Так что, вы и правда категорически не верите в любовь? – недоверчиво уточнила я. Все-таки те мужчины, с которыми мне до этого приходилось общаться, хором кричали, что любовь – самая реальная для них сторона жизни. А тут на тебе. Приятный улыбчивый господин с приятной улыбчивой собачкой – а в любовь не верит.

– А вы? Вы до сих пор верите? – развел руками он.

Мы прошли почти весь парк вдоль и поперек. Борис пинал ногой пакет из-под молока. Его пушистая собака ластилась и прыгала, приглашая поиграться. Такая прогулка мне нравилась все больше.

– Я теперь ни во что не верю, – гордо ответила я, показав ему, что и в моей жизни были разочарования. Я взрослый, выдавший виды член общества, а не какая-нибудь вам безработная маменькина дочка.

– И правильно! – засмеялся Борис, одобряя мой подход. – Ведь, в конце концов, есть в жизни не только эти трепыхания на тему вечной любви.

– А что еще? – спросила я, подумав, что не против, в принципе, смотреть на жизнь так же, как и этот спокойный и не напрягающийся ни над чем товарищ. – Разве не скучно жить, сидя в одиночестве?

– О, я не скучаю. Уверяю вас, Наташа, что насыщенность моей жизни наверняка превышает вашу. Деньги, карьера. Интересное дело. И секс. Вот те киты, на которых можно строить стабильное и приятное существование.

– Секс? – поперхнулась я.

– Конечно, – увесисто кивнул он. – В любовь я не верю. А вот в секс даже очень. И вам рекомендую. Чудесная штука, особенно когда на нее не нацепляют ореол судьбы, провидения или там цепей, связывающих навек.

– А как же чувства? Ведь так тоже жутко противно, – возмутилась я, представив конвейер сексуальных утех по принципу «неплохо бы перепихнуться».

– А я не против чувств, – ответил Борис. – Думается мне, что любовь – не единственное, что может испытывать человек. Просто вам, в вашем юном возрасте, кажется, что такие штуки, как восторг горнолыжника, съезжающего по невероятно живописному склону альпийских гор, не существуют, и на земле есть только эта пресловутая любовь, что ведет к размножению.

– Но секс – это не горнолыжный курорт. Вы считаете, что им можно заниматься без чувств? Я бы, наверное, не смогла. Это смахивало бы на проституцию, – разглагольствовала я, а у самой уши горели от стыда, что я треплюсь на подобные темы с незнакомцем. Докатилась!

– Я не говорю – без чувств. Я говорю – без цепей вечности и взаимных клятв. Если мне кто-то нравится, а я нравлюсь ей, то что мешает нам на минутку заглянуть друг другу в приватную обыденность? А потом, вдоволь насладившись обществом друг друга, спокойно выйти обратно, не хлопая при этом дверьми и не устраивая безобразных сцен. Разве вам самой не было бы легче жить на свете?

– Даже не знаю, – задумалась я. – Может быть, вы и правы. Просто меня мама учила совершенно другому.

– Ох, Наташа. Мамы всегда и всех учат совершенно другому. Но потом мы выходим в большую жизнь и начинаем сами думать, чему верить, а чему нет.

– Но должно же быть в жизни что-то искреннее, что-то настоящее? – попыталась найти я точку опоры.

– Ну, конечно, – заверил меня Борис и заодно запулил пакет из-под молока куда-то далеко. Пытался попасть в помойку, но промазал. – Вот мы с вами случайно встретились в парке и не без удовольствия прогуливаемся, рассуждая о жизни. Разве это не настоящее? Не подлинное?

– Это точно, – согласилась я.

– Но это же не повод нам с вами все бросать и сковываться друг с другом на всю жизнь.

– Конечно, нет. Но вот если бы мы теоретически поняли, что не можем друг без друга...

– Так не бывает. В вас еще до сих пор говорит юношеский максимализм и мечтательность. Вы, наверное, романтик. А я давно понял, что пока люди не могут друг без друга, они и так вместе. А потом... потом не стоит обрывать все скандалом или, что еще хуже, судебным процессом и дележом детей. Если вам так уж не хватает в жизни настоящих чувств, я рекомендую вам завести собаку.

– Собаку? – помотала я головой от неожиданности. – И что мне с ней делать?

– Ну как, вы же хотите любить и быть любимой, если я вас правильно понял. Вот и пожалуйте, – радушно развел руки в стороны Борис.

Я расхохоталась.

– Вот уж не думаю, что хочу быть любима собакой.

– Тоже хорошо, – перешел на более фривольный тон он. – Вы, как мне кажется, милая девушка. Вот только понятия не имеете, чем бы вам заняться. А когда девушка не знает, куда приложить свою энергию, она начинает искать большую любовь. Уверяю вас, для ваших сил есть куда более достойное применение.

– Какое? – с интересом спросила я.

– Ну, я не знаю. Подумайте, чем бы вы хотели заниматься каждый день? Кроме семейных трудов. Неужели нет ничего, что было бы вам интересно? Вдруг в вас дремлет великая актриса? Или у вас талант к бизнесу?

– Бизнес? – задумчиво повторила я. Мне представилось, как я проезжаю мимо Андреева «Рамстора» на большом черном джипе, выхожу из него в дорогом пальто и шляпке на манер английской королевы, а Андрей стоит с распахнутым ртом. И из его пакетов к моим ногам высыпаются апельсины. Борис с интересом наблюдал за моим лицом и, не сдержавшись, расхохотался.

– Ну нет. Это невозможно. Я не говорю о том, как вы можете кому-то отомстить. Я говорю о том, чтобы сделать жизнь на самом деле интереснее, проще и комфортнее. Как вам такая идея?

– Идея замечательная, но как? – усомнилась я.

Пока он говорил о перспективах, все казалось радужным и легким, как суфле. Но стоило задуматься, как становилось ясно, что я ни слова не понимаю.

– Вот этого я не знаю, а то бы обязательно поделился. К сожалению, для каждого свой рецепт. Но уж точно он не в окольцовывании какой-то особи мужского пола. И не в глажке и приготовлении борща.

– Вы не любите борщ? – попыталась перевести я разговор. Мне вдруг захотелось просто поговорить о чем-то незначительном, невеликом.

– Люблю. И даже очень, – не стал спорить Борис. При мысли о борще его лицо просветлело окончательно.

– И кто же вам его приготовит? – скорчила я рожицу.

– О, вы даже не представляете, как много ресторанов в Москве. Деньги – тоже крайне приятная штука.

– С этим не поспоришь, – согласилась я. В конце концов, именно деньги волновали меня сейчас в первую очередь.

Меж тем мы уже пришли ко мне домой. Я опустила глаза, а Борис легко и как-то просто сказал, что ему было приятно погулять в моем обществе.

– Я пойду? – с некоторой надеждой уточнила я.

Борис внимательно посмотрел на меня. Просто с ног до головы прошелся по мне рентгеном. Потом что-то там прикинул и спросил:

– А если я предложу вам употребить совместно по тарелочке этого самого борща, вы не расцените это как посягательство на вашу девичью честь?

– Ни в коем случае, – с облегчением выдохнула я. – Все, чего я хочу, это просто потрепаться с интересным человеком.

– А я – интересный? – искоса посмотрел на меня Борис.

– Безусловно, – искренне кивнула я. – Никто еще не говорил мне таких чудесных вещей. Я жду не дождусь получить более подробные инструкции.

– На какой предмет? – деловито потер ладони он.

– На предмет обучения искусству легкой и приятной жизни без любви. И, что главное, денежной.

– Это – не главное, это – следствие. Если активно и увлеченно заниматься тем, что интересно и что востребовано обществом, то деньги придут сами собой, – уточнил Борис.

– Без проблем, – согласилась я, ибо кто в здравом уме отказался бы от таких перспектив.

Кажется, я все-таки уговорила небеса выдать мне личного и очень приятного консультанта по «дольче вите». Весь вечер мы проторчали в красиво утыканых елками и палками «Елках-палках» болтая о том, как глупо верить мужчинам и женщинам и вообще кому бы то ни было.

– Не верь, не бойся, не проси! – с умным и циничным видом заявляла я.

– Живи спокойно и в свое удовольствие. Не жди чуда! – добавлял Борис.

– А тем, кто попытается дурить нас, – мы покажем кузькину мать!

– Покажем! – кивал он, подливая мне вина. Еще через пару часов я почувствовала, что у нас с Борисом на почве цинизма открылась удивительная близость и понимание.

– Мы с тобой так похожи, что это просто уму непостижимо! – изображая прожженного материалиста, сказала я. И тут стало ясно, кто из нас на самом деле знает, о чем говорит, а кто только делает вид.

– Ты еще пару бокалов выпьешь и скажешь, что это неповторимая игра судьбы и что ты вполне готова составить мое счастье.

– Это не так, – покраснела я. – Я хочу работать. Может, об этом поговорим?

– Не-ет, – немного фривольно от выпитого вина он поманил меня мизинцем. – Об этом мы сегодня говорить не будем. Сначала ты должна разорвать цепи, сковывающие тебя.

– Да? – пьяно огорчилась я. Разрывать цепи – не самое приятное дело в жизни. Хотя перспектива того, что будет еще одна встреча, на которой мы будем говорить о работе, меня согрела.

– Да, – кивнул Борис и принялся горячо доказывать мне свою теорию. По ней выходило, что каждый имеет право делать все, к чему его тянет. Работать там, где ему нравится, и уходить, как только разонравилось. Жить там, где хочется, а в противном случае без сомнения менять и квартиру, и город, и страну. Хоть планету, если уж без этого никак. Ну, и спать с кем захочешь, невзирая на законы морали и моногамии. Выходило забавно.

– А тебе морду никогда не били? – поинтересовалась я.

Борис засмеялся.

– Безопасность зависит от того, насколько ты будешь уважать своих партнеров. Честность и уважение – вот залог счастливых отношений без проблем. И ты всегда сможешь уйти из их жизни сама. Никто не станет цепляться за твою штанину и кричать «не пущу».

– А когда ты планируешь из моей жизни уйти? Прямо сейчас? – с интересом уточнила я.

– Тебе не кажется, что ты привязываешься ко мне? – задумался Борис. Огорченно. Или мне это только показалось?

Ладно, стоп. А действительно, неужели я пытаюсь прямо сейчас, вынырнув из одного затяжного и бессмысленного романа, рухнуть в пучину другого?

– Решено! Я ничего ни от кого не хочу. Только денег и советов.

– Эй, эй, ребенок! Я не думаю, что надо бросаться в другую крайность. Пусть происходит то, что происходит. Не надо ни к чему прирастать сердцем. Не надо ни о чем страдать. И ни о ком.

– Договорились. – Я подняла нетвердую руку и ударила ею о его сухую, чуть шершавую ладонь. Отчего мне срочно захотелось перейти от слов к делу и начать цинично заниматься просто «сексом». Однако, памятуя о том, что я – только начинающий стервец и прагматик, эдакий прагматик-ученик, я решила тренировать волю и расстаться по-дружески. Без перехода на личности. Я даже не стала спрашивать его номер телефона. Или предлагать свой.

Мы покинули ресторан, продолжая разглагольствовать на вечные темы, поминать мою большую дорогу жизни, на которой меня поджидают тысячи удовольствий. И о том, как мало, в сущности, значат отдельные люди. Так Борис говорил о себе. Мол, не будет Бориса – будет кто-то другой. Я соглашалась, что он совершенно прав. Прежде всего, мне пора понять, что я сама хочу делать в этой жизни. Делать каждый день. А вот тут мне без него никак не обойтись.

Глава 5

Найти меня

В жизни я стараюсь все делать обстоятельно. Семь раз отмерь, один отрежь – это мой принцип. Не подумавши, я не влезу ни в одно дело, каким бы привлекательным оно мне ни казалось. Вот, например, экспедиции. Уж сколько их предлагали студентам историко-архивного – уму непостижимо. Доска объявлений постоянно пестрела предложениями то искать могилу Тамерлана, то откапывать древний город в Аравийской пустыне. Завлекали перспективами денег, потому что в процессе экспедиции денег хватало только на саму экспедицию. Мои знакомые, соблазненные приманкой, возвращались загорелые, похудевшие и измотанные. Без особенной прибыли, но с кучей воспоминаний, как их чуть паук не укусил, как их чуть араб на верблюде не переехал или что-то еще в этом же духе. Чтобы я по доброй воле влезла в подобную авантюру? Да ни за что! Я же разумная, рассудительная девушка, которая умеет все просчитать на два шага вперед. И к тому же рядом со мной всегда был Андрей, который подрезал крылья любому моему идиотскому порыву уехать на каникулы на Тибет.

– Ты будешь восторженно чирикать до первого комара, – смеялся он, когда я взалхлеб рассказывала ему о перспективе медитировать вместе с настоящим далай-ламой.

– Там нет комаров, – пыталась открыть дверь в путешествие я.

– Кто-нибудь кусачий на твою нежную натуру все равно найдется, – отвечал он, и тема считалась закрытой. Впрочем, и на старуху бывает проруха. Однажды, когда Андрей был в длительной командировке (читай, уехал с женой и сыном отдыхать в Турцию по путевке All Inclusive), я все же успела принять свое взвешенно-мотивированное решение.

– Хочешь кучу аметистов? – спросил меня Петечка, видя, что я грущу в одиночестве.

– Давай, – согласилась я.

– Возьми, – ответил он.

Я решила, что это очередная разводка, но оказалось, что он имел в виду буквально взятие их у природы. Нашей, северной природы. Оказывается, его знакомые археологи едут куда-то на Кольский полуостров, чтобы отколупывать из горной породы эти кристаллы кварца.

– Это бред и авантюра, – ответила я, потому что, как я уже упоминала, была я девушкой трезвой (почти всегда) и обстоятельной.

– А мне кажется, что нет, – заверил меня Петечка, и через неделю я, навьюченная тяжелым рюкзаком, села в поезд Москва – Мурманск, в плацкартный вагон.

Видимо, предложение, сделанное мне, было обоснованным и реалистическим, раз уж даже я поверила в его перспективность. Или дело в том, что рядом не оказалось Андрея, а родители не имели на меня сдерживающего влияния? Мне больше нравится первая версия про взвешенное решение. Как бы там ни было, я целый месяц носилась по тайге, намазанная густым слоем специального гадкого масла от комаров, и гребла веслами не хуже заправского рыбака, ловко уклоняясь от камней в порогах.

– Где ты? – кричало мне небо голосом Андрея, мамы и папы.

– Я жива! – отвечала я небу, потому что телепатия была единственным средством связи с окружающим миром. А про себя молилась, чтобы мне каким-то чудом удалось выбраться из этой передраги.

Особенно сильно и истово я стала молиться, когда на моих глазах одну из байдарок нашего изыскательского состава поломало о каменистую гряду на одном длинном и дико бурлящем потоке. Нет, все выжили и даже ничего не сломали. Что, кстати, всех удивило. Но средство транспорта – весло было утеряно безвозвратно, да к тому же железные палки, крепившие байдарку, стрингера, переломались пополам. Так что троим пришлось дебильненько бежать по берегу, перескакивая овраги и поваленные деревья. А когда спустя месяц мы случайно наткну-

лись на невесть откуда взявшегося рыбака, радость наша была сравнима только с явлением чуда господня.

– О, туристы! – радостно отозвался рыбак и предложил нам выпить. В результате этого приглашения все мы, оборванные, усталые и загорелые (что типично для людей, влезших в экспедицию), оказались в крошечном таежном поселке. Самогона там оказалось море, и вообще, северный народ был на удивление гостеприимен. За вечер мы успели перезнакомиться по меньшей мере с пятнадцатью представителями местной фауны. Как правило, это были пропитые краснолицые мужики, которые один за другим рассказывали нам, как они с ножом ходили на медведя (это было такое местное развлечение). Мы расслабленно выпивали, слушали эти байки и сонно клевали носом. Пока вдруг не поняли, что все эти визиты вежливости носят характер смотрин. Аборигены, единственной усладой которых была телеграфистка, загнанная жизнью баба лет пятидесяти, с таким же красным от холода лицом, оказывается, просто сошли с ума от вида молодой и стройной москвички малых лет.

– Мужики, может, договоримся? – обратился к Петечке один из них, по-видимому, делегат.

Петечка, который к тому времени и сам не смог со мной договориться о примерно том же, отрицательно замотал головой.

– Мы на медведя ходили! С ножами! – угрожающе пояснили мужики, чтобы Петечка стал сговорчивее.

– А у нас ружье, – исчерпывающе ответил он, после чего прием народонаселения мы прекратили и заперлись на все замки в сторожке, где просидели еще два дня, ожидая автобус.

Мимо окон то тут то там проходили с выражением тоски и несправедливой обиды вечерашние собутыльники. Они и в самом деле не понимали, что тут такого? Когда еще к ним в таежный поселок бог занесет натуральную живую бабу? В итоге, когда плацкартный вагон мчал меня, похудевшую, загоревшую и без аметистов, обратно, к столице нашей родины, я с большим трудом могла убедить себя в том, что я все еще девушка рассудительная, взвешенная и обстоятельная.

– И как это все понимать? – в изумлении оглядывая меня, спросил Андрей.

– Я прекрасно отдохнула, – ответила я. – Видишь, как я возмужала?

– И что, ты думаешь, меня может сильно порадовать, что ты возмужала? – уточнил он.

Я растерянно замолчала, потому что не знала, что и сказать. Одно то, что я опять сижу на мягком сиденье теплого автомобиля, а в качестве туалета отныне снова будет туалет, а не ближайшая от палатки ель – все это грело меня так, словно бы мне на халяву обломались все те самые пресловутые аметисты, с которых все и начиналось. В общем, моя обстоятельность и рассудительность – неоспоримое качество, с которым пришлось согласиться всем. А то бы меня понесло еще куда-нибудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.